

БОЖИЙ ЗНАК.

Я возвращалась домой из командировки. Было очень холодно, мороз такой сильный, что при глубоком вздохе слипались ноздри. Вокруг ни души, наверное, как раз про такую погоду говорят, что хороший хозяин и собаку не выгонит на улицу. В застывшей тишине сухой снег громко скрипел под моими ногами. Я уже подходила к своему дому, как вдруг окно на первом этаже моей девятиэтажки распахнулось. Из него показалась, закутанная в пуховый платок, пожилая женщина. Она стала обильно посыпать подоконник пшеницей, ячменем и хлебными крошками. Откуда не возьмись тут же появились дикие голуби и стали жадно клевать зерна. Они, казалось, привыкли к этой женщине, нисколько ее не боялись. Осторожно, чтобы не

спугнуть птиц, она прикрыла раму. Насытившись, голуби улетели, этого только и ждали голодные озябшие воробьишки. Радостно чирикавая, они громко забарабанили по жести маленькими клювиками. Через несколько минут из подъезда вышла та же женщина. Опираясь на палку, прихрамывая, она направилась к растущему вблизи клену и стала привязывать к его заснеженным веткам кусочки свежего сала. Я догадалась что это уже угощение для синиц. В заботливой старушке я узнала свою малознакомую соседку. Мне трудно было понять, что же заставляет ее в такую стужу выходить на улицу. Я не удержалась и спросила: «Вы, наверное, очень любите пернатых?» Она приветливо улыбнулась и ответила: «Да как же мне их не любить их, ведь я им жизнью своей обязана». «Птицам?» — искренно изумилась я. «Да, хотите расскажу, идемте ко мне». Сильно заинтригованная я, конечно, согласилась. И вот какую удивительную историю поведала она мне.

Был август 1941 года, грозный, страшный, жаркий август. На Урале в небольшой деревне жила семья Кружилиных. Глава семьи Прокофий Захарович, его жена Евдокия Ивановна и невестка Настя с двумя детьми. Два сына Кружилиных Василий и Иван ушли на фронт, и совсем недавно Настя получила извещение, что муж ее Василий пропал без вести где-то в Белоруссии. Отец как-то сразу ссутулился, мать рыдала, а невестка твердо говорила: «Ведь не похоронка же это, он живой». Говорить-то так говорила, но по ночам теперь из-за перегородки, где спала Настя часто слышались горькие всхлипывания, заглушаемые подушкой. Под большими карими глазами невестки залегли первые глубокие морщины. Она была всегда веселой хохотушкой, но теперь ее заливистого задорного смеха никто не слышал. Кружилины любили свою невестку, глядя на ее спрятанную в душе тоску, свекровь жалела сноху еще больше. Хорошая, терпеливая и умная жена досталась Василию. У старшего сына с невесткой было уже два сына, и Настя скоро должна была родить третьего ребенка. Уходя на фронт, Василий очень просил родителей заботиться о жене и детях.

Заканчивался сенокос. Прокофий Захарович собрался ехать в степь, чтобы собрать в стога оставшееся сено. Настя решила помочь ему. Глядя на ее большой живот, Евдокия Ивановна проговорила: «Осталась бы дома, наработаешься еще».

Невестка понимала, что имеет в виду свекровь и сказала: «Да, я думаю, рано еще, да и мы ведь с отцом быстрее управимся». Старик запряг свою белохвостую кобылу, постелил в телеге старый тулуп для Насти, и они тронулись. Путь был неблизким. Солнце сильно пекло. Настя повязала голову белым платком и протянула свекру старенькую кепку: «Бать, наденьте — солнце очень горячее». Телега, поскрипывая, плавно качалась, и, разморенная зноем, женщина стала дремать.

Ее разбудил озорной солнечный зайчик, щекочащий глаза. Настя улыбнулась и стала искать — откуда же светит ласковый лучик. На хомуте лошади была приклепана медная бляшка, Прокофий Захарович недавно хорошо начистил ее, и она сияла, как золотая. Свекор любил всякие украшения для лошадей.

Наконец-то добрались до своего участка и взялись за работу. Старик сгребал сено и вилами подавал его Насте, та равномерно укладывала, утаптывала его, формируя стог. Много таких стогов возвышалось вокруг. Колхоз их не маленький, и скота в нем много, поголовье которого обязательно нужно было сохранить, ведь фронту нужно продовольствие. Работала женщина легко и быстро, ловко справляясь с большими ворохами душистого сена. Солнце стояло в самом зените, жара стала совсем невыносимой. Прокофий Захарович откинул в сторону грабли и, вытирая пот, заливающий глаза, сказал: «Давай-ка перекусим и отдохнем, но до вечера надо убрать все, вот-вот дожди пойдут». От еды Настя отказалась, только попила теплого противного кваса. Поев, свекор растянулся в тени стога и, разморенный жарой, тут же крепко уснул. Настя вдруг почувствовала сильную слабость и прилегла под соседним стогом. Голова кружилась, еще больше хотелось пить. «Наверное перегрелась» - подумала женщина, но внезапная острая боль в пояснице и внизу живота сказала ей совсем о другом. Права была свекровь, не отпускавшая ее в поле.

Сказать свекру о том, что начались схватки, Насте было сильно стыдно и она решила, что может дотерпит до дома. Боль усиливалась и становилась нестерпимой, женщина поняла, что скоро должна родить. Прокофий Захарович храпел невдалеке, но стыдливой невестке, воспитанной в строгой патриархальной семье, ив голову не могло придти позвать его на помощь. Настя была здоровой, крепкой русской женщиной,

да и роды были не первыми, поэтому она решила, что справиться сама. Младенец появился на свет довольно легко, это была долгожданная всеми девочка. Она заплакала тихонько, как будто знала, что мать скрывает пока ее рождение. Перевязав пуповинку, Настя запеленала дочку в свою нижнюю рубашку. Немного отлежавшись, роженица вырыла в стогу нишу и спрятала туда свою малышку.

Место же, где рожала, засыпала сеном. Прокофий Захарович решив, что невестка уснула, не стал ее будить и взялся за работу сам. Глядя на него, Настя подумала, что покажет ему желанную внучку, лишь только тогда, когда поедут назад в деревню. Слегка пошатываясь, Настя подошла к нему и снова стала помогать. Свекор был увлечен делом и не заметил никаких перемен в невестке. Когда солнце приблизилось к закату, старик напоил лошадь, сложил в телегу все инструменты и велел садиться. Зардевшись, Настя проговорила: «Подождите, я сейчас» — и побежала к одному из стогов. Она обошла стог, но ребенка в нем не нашла, обошла второй раз — нету.

Она кинулась к соседнему стогу, но и там было пусто. И в других ближних стогах никого не было. Леденящий холод пополз по спине, женщина с ужасом поняла, что потеряла место, где спрятала младенца.

Свекор недоуменно смотрел на невестку и встревожено спросил: «Настена, ты что ищешь?» Настя залилась слезами и кусая побелевшие губы с трудом проговорила: «Батя, я ребеночка здесь родила, спрятала его в стогу, а теперь не могу найти». Бедный Прокофий Захарович только теперь увидел, что у невестки не стало живота, сокрушенно, с мягкой укоризной сказал: «Что же ты, дуреха, молчала? Давай теперь вместе искать». Он стал внимательно осматривать каждую гору сена. Как безумная, Настя металась от стога к стогу, но нигде не находила и малейшего следа от места, где

спрятала свою дочку. Тогда она стала напряженно прислушиваться к звукам степи, может же где заплачет или пискнет тихонько, подавая знак матери. Тишина, только кузнечики громко звенели, да жалобно кричала перепелка, созывая своих разбежавшихся птенцов. От дурманящего сладковатого запаха сена, от страшного отчаяния у Насти закружилась голова, она упала на скошенную траву и истошно завывала на всю степь. Старик тоже, крайне расстроенный, вынужден был признать про себя, что ребенка им самим не найти, ведь они обыскали уже все стога. Всклипывая, Настя хрипло проговорила: «Может волки съели?» Свекор возразил: «Волки в эти места летом не заходят». С трудом ему удалось уговорить невестку поехать в деревню и позвать людей. Старик спросил: «А кто был-то?» Настя простонала: «Девочка». Он сокрушенно покачал седой головой и, нахлестывая лошаденку, ругал себя на чем свет стоит и за свою нерасторопность, и за то, что потерял, наверное, первую внучку, что теперь скажет он Василию, если тот вернется с фронта. Невестка уже не голосила, а лишь тихонько скулила, вздрагивая всем телом. Когда отъехали уже на приличное расстояние, женщина оглянулась, словно хотела проститься с местом, спрятавшем от нее ее малышку. На фоне заката огромные стога казались головами косматых великанов. Вдруг на одном стогу Настя увидела большое количество птиц, неизвестно откуда взявшихся там.

Дикие голуби, воробьи, еще какие-то мелкие пичужки низко пролетая над стогом, садились на него, прыгали, кричали и снова поднимались в воздух. От малиновых лучей заходящего солнца, крылья белых голубей казались прозрачно-розовыми. Ветер доносил сюда разноголосые возбужденные птичьи крики. Пернатые были чем-то сильно взволнованы. Широко раскрытыми, изумленными глазами Настя смотрела на эту чудную картину и спасительная мысль сладким огнем прожгла всю

ее существо. Она громко крикнула: «Батя, смотри, вот там надо искать!» Прокофий Захарович удивился непонятному скоплению птиц, однако тратить драгоценное время на дорогу назад ему не хотелось. Он взглянул на горящую нетерпением невестку и понял, что спорить с ней бесполезно и повернув лошадку, снова погнал ее на свой участок сенокоса. Когда подъехали совсем близко, то стало казаться, что все кипит и бурлит вокруг от громких птичьих голосов. Настя спрыгнула с телеги и помчалась к стогу. Там она увидела и рассыпанную сухую траву и заветную выемку в сене, в которой спокойно спала ни о чем не подозревавшая новорожденная. Мать упала на колени и осторожно взяла на руки своё крохотное дитя. Малышка пропахлась вся душицей и васильками, сухой розовый цветочек полевой гвоздички прилип к темному нежному пушку на головке. Настя выпрямилась и улыбнулась дочке и не было в ту минуту на свете женщины счастливее, чем она. Суровый и сдержанный свекор скинул, коричневым от работы и самосада, пальцем слезу, наворачивающуюся на глаза, и стал размашисто, убежденно, креститься: «Слава тебе, господи, слава!» После некоторого молчания, старик, с видом знатока, спросил: «Мокрая, небось?» Настя ласково протянула: «Мокрая». Он стянул с себя ситцевую рубаху и дал невестке: «На, заверни, она хоть и воняет потом, но зато сухая». Мать перепеленала младенца. Свекор принес сена, расстелил его в телеге и они, страшно уставшие и безмерно счастливые, поехали наконец домой. Настя посмотрела вверх, стог был пуст, птицы исчезли, словно их не было там и вовсе.

В деревню возвратились уже затемно. Обеспокоенная долгим отсутствием мужа и невестки, Евдокия Ивановна ждала их за воротами. Прокофий Захарович, с непривычной для него, умиленной улыбкой произнес: «Смотри-ка, мать, кого мы в степи нашли». Глядя на невестку,

держашую на руках ребенка, свекровь всплеснула руками и выдохнула: «Настенька, милая, кто?» Не давая Насте ответить, старик быстро выпалил: «Внучка теперь у нас с тобой есть». Прибежали сыновья Насти.

Мать показала им сестричку. Младший Павлик протянул ей надкушенную сочную грушу, старший Василек серьезно и строго сказал: «Ты что, у нее же еще зубы не выросли». Впервые за последнее время Настя звонко рассмеялась.

Новорожденную искупали и положили в старинную люльку, в которой спали и ее отец и братья. За ужином невестка рассказала свекрови о чудесном происшествии, случившемся с ней в степи. Евдокия Ивановна в великом волнении воскликнула: «Настя, а ведь это божий знак был, сам господь этими птичками указал тебе, где твое дитя». И немного подумав, добавила: «Теперь все мы, сколько жить будем, должны подкармливать птиц в голодную пору и ей это накажи, когда подрастет». С тех пор помогать птицам зимой, стало традицией для семьи Кружилиных стойкой традицией, которую они стали передавать из поколения в поколение. Девочкой, родившейся в степи и спасшейся благодаря божьему знаку, и была моя соседка Евдокия Васильевна, которую в честь бабушки называли Евдокией.

Галина Пономарева.